УДК 821.512.142.0

DOI:10.18411/2018812119122

ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ: МЕНТАЛЬНОСТЬ И СИСТЕМА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Ф.Т. УЗДЕНОВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

В статье исследованы особенности этнически обусловленных форм символизации, детерминированные связкой «ментальность и система представлений». Посредством апелляции к глубинным слоям культурного сознания и анализа ценностных доминант этносов, в частности карачаевцев и балкарцев, выявлены признаки, определяющие сущностную специфику ментальности, – устойчивость и неизменность. Ментальность интегрирована в комплекс архетипических структур сознания, ее можно обозначить как психологическую особенность мышления, позволяющую определить специфику мировосприятия народа и адекватно отразить ее в фольклоре и литературе.

Ключевые слова: этническая специфика, ментальность, фольклор, архетип, карачаево-балкарская поэзия.

Апелляция к структурам этносознания (в том случае, когда речь идет о своеобразии, национальном колорите, этнической идентичности) невозможна без учета ментальных особенностей. Теория ментальности стала активно разрабатываться с 90-х гг. XX в. В числе первых – историки французской «школы новой интеллектуальной истории» М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ф. Ариес и др. Из отечественных ученых – А.Я. Гуревич, А.П. Ястребитская, В.П. Даркевич, Н.В. Воронин, Б.Л. Романов, И.Г. Дубов, В.К. Кантор, А.С. Ахиезер, А.С. Мельников.

По мнению исследователя проблем национально-этнического сознания на Северном Кавказе Ф. Албаковой, ментальность можно рассматривать как «наиболее константную, глубинную часть сознания этноса. Она менее подвержена изменениям и детерминирована в большей степени традицией и культурой, чем наличным социальным строем и общественными отношениями...» [1].

В работе «Методология исследования ментальности национальных культур» С. Зотов рассмотрел диалектические взаимосвязи ментальности и языка, ментальности и системы представлений, ментальности и способов и форм организации мышления, конкретных и образных картин мира, запечатленных в сознании [5]. «Гораздо большее прикладное значение имеет изучение ее (ментальности – уточ. Ф.У.) как качества конкретной эпохи, всего социума, нации, социальной страты. Такая постановка проблемы говорит о том, что каждая этническая культура создает свои матрицы ментальности. Они проявляются как некие свойства традиционного этнического сознания, способные отражать определенную этническую картину мира. Этническая картина мира в свою очередь есть представления человека о мире, сформировавшиеся на основании определенных культурно-ценностных доминант. Воззрения эти отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные, и в этом смысле ментальность – это, скорее, совокупность бессознательных комплексов, складывающихся в процессе адаптации (психологической) человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде» [Там же]. Положения Юнга, к которым в данной связи апеллирует С. Зотов, определяют суть проблемы: «...Не только субъективное, вы-

тесненное за «порог сознания», но прежде всего коллективное и безличное психическое содержание включается в область бессознательного, преобразуется в устойчивые образы и становится архетипами» [Там же]. Посредством подобных глубинных структур, собственно, и происходит абсорбция необходимых эстетико-культурных констант бытия. *Устойчивость и неизменность* – признаки, которые определяют сущностную специфику *ментальности*. Зотов приводит суждения И. Ильина относительно ментальных особенностей этноса: «Кто хоть раз пережил русский зной, а с ним – с юго-востока дующий обжигающий ветер, кто испытал на себе русские метели, которые метут порою по несколько дней кряду, кто сталкивался с русским ледяным норд-остом (по-русски его называют «чичер»), который, проносясь по равнине, в своем свирепом напоре достигает аж самого Черного моря и предгорий Кавказа, тот точно знает, откуда у русских такая стойкость» [6, с. 286]. Таким образом, «формируются стойкие культурные *паттерны* (от англ. *pattern* – образец, шаблон, система) – принятые этнокультурой связные конфигурации образов и стереотипов поведения, стандартов, ценностей или идеалов» [5]. В парадигме этнокультурных представлений северокавказских этносов с *горой* отождествляются присущие горцам черты: независимость, мужественность, выносливость («Горд, как Кавказа хребты... / Ты – наподобие скал – вынес ветра всех времен» (С. Моттаева); *цветок* – олицетворение нежности, красоты, жизнестойкости (символ Кавказа – высокогорные эдельвейсы, рододендрон (занесен в Красную книгу), у адыгов – «цветок Сатаней» (полевой лабазник); *камень* – воплощение силы, твердости духа.

В ряде стихотворений К. Кулиева – родина, родной край. «Грустные» горные дороги, деревья, задумчивые, как горянки, и навьюченные ослики, и горные орлы, перелетающие через снежные перевалы, и волчьи следы на холмах, покрытых снегом, и шум чинар, и чувяки, которые он в детстве надевал, и книга, которую впервые открыл, и руки матери, ласкавшие его... – все это было далеко во времени и пространстве, но поэт жил и дышал этим. Под его пером все это превращалось в нечто значительное, приобретало зримую форму, создавая неповторимый облик отчизны и отчего дома» [11, с. 242]. В данном случае мы можем говорить о символической составляющей мирозерцания поэта; вышеприведенные образы – это адресно концепты кулиевской художественно-ассоциативной поэтической системы, но в них усматривается знаковая природа этносознания карачаево-балкарцев. Для инокультуры те же образы – отвлеченные условности. Представитель другой культуры оперирует иными культурными мимами и жизненными паттернами – *поля, колосющаяся рожь, бег оленей, снежная тундра*. Нередко феномены этнокультуры рассматриваются с позиции интертекстуальности, что позволяет наряду с денотативной семантикой «проявиться» коннотативным формулам [2; 8; 13; 14].

В эпоху глобализации, «поглощающей» этнопредставления и определяющей вектор единоразвития культур, игнорирование подобных моментов может привести к атрофии этнокультурного компонента. Социалистическая система отношений в Советском Союзе декларировала демократические идеи, право на самоопределение, в то же время подвергла табуации многие традиционно-обрядовые «действия». Сегодня интерес к истории своего народа, корням, традициям, стремление к сохранению родного языка наблюдается повсеместно. (Анализ языковой ситуации в Кабардино-Балкарии – одна из актуальных тем исследования ученых-лингвистов [3; 4]).

«Обрядовые» исполнения активизируются и переходят от сугубо презентативной и трансляционной функции в фазу фиксации в сознании индивида основополагающих паттернов.

Чаще всего ритуальные действия предполагают ряд речевых актов и невербальных манипуляций, направленных, как правило, на снисkanie «расположения» Всевышнего. В фольклоре карачаевцев и балкарцев самый большой пласт «обращений с просьбой» – к *Тейри* – верховному богу, или богу неба (самому почитаемому у всех тюркоязычных народов). Апелляция к Тейри обнаруживается (помимо обрядово-магических практик) и в других семантических номинациях, например, *клятвах* (ант), *проклятиях* (кьаргьыш), *здравицах* (алгьыш).

Тейри онь берсин, Тейри джол берсин,
Тейри игиликни бери этсин, аманлыкны кери этсин... [7, с. 25]
Пусть Тейри даст силы, возможность и дорогу укажет,
Пусть Тейри счастье (радость) подарит и нехорошее (несчастье) отгонит... (Подстр.
пер. – Ф.У.)

В творчестве современных поэтов в части вызывания к позитивистским настроениям мы также обнаруживаем традиционный прием «упования» на снисходительность и щедрость Тейри:

Тейри эшиги ачылып, бирде
Жарыкъ хорлар. Дуния былай турмаз [10, с. 97].

Откроются врата небесные,
И да победит светлое (добро) –
Мир не может не измениться.

«Позже с именем Тейри народ начинает связывать любое представление о божестве вообще, что в последнюю очередь обусловлено уже самой полифункциональностью прототипа. К примеру, Кюн Тейриси – Тейри солнца, Ай Тейриси – Тейри луны, Жер Тейриси – Тейри земли, От Тейриси – Тейри огня и т. д.» [9, с. 25–26].

Понятно, что ранние формы фольклора (т.е. предшествовавшие нартскому эпосу) – это всего лишь образцы ритуального характера, не допускающие оценочности и выражения отношения к изображаемому; в большинстве случаев они представлены в виде «структур переходного типа, когда поэтическому коду сопутствует прямая номинация объекта (часто выполняющая суггестивную функцию)» [12, с. 21]. Тем не менее надо признать, что сам факт прямой связи магических песен с обрядово-культовой жизнью, в которой отразились опыт и магическое мышление народа, позволяет пошагово проследить эволюцию этнического сознания от архаичных форм мышления, имеющего синкретический характер (нерасчлененность гносеологического, этического, эстетического начал), что вполне соответствовало реальному – тотально апперцептивному – восприятию.

Таким образом, в современной интерпретации ментальность как таковая напрямую и безусловно интегрирована в комплекс устойчивых (архетипических) структур сознания, ее можно определить как психологическую особенность мышления, задающую определенные интенции, не всегда фокусируемые на сознательном акте реализации, но создающие важнейшие предпосылки для формирования системы сенсорно-перцептивных механизмов. Особую роль в этом процессе играет *символизация*. «...Через символ актуализируются древнейшие, сущностные представления этноса, которые скрыты последующими социокультурными наслоениями» [1]. Естественное тяготение разума к постижению новых символов, знаков, смена формаций, повлекшие трансформацию сознания, обеспечивают целостное решение главной проблемы – определения специфики восприятия и художественного отражения этносом картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албакова Ф.Ю. Современные проблемы национально-этнического сознания на Северном Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-c.org/datarus/albakova.shtml> (дата обращения: 21.02. 2012).

2. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 68-70.

3. Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М. Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и проблемы: монография. Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. 172 с.
4. Башиева С.К., Улаков М.З., Шогенова М.Ч. Функциональное развитие миноритарных языков в контексте глобализации (на материале Кабардино-Балкарской Республики) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 2 (58). С. 175-183.
5. Зотов С.В. Методология исследования ментальности национальных культур. URL: [http:// www.analiculturolog.ru/archive/item/126-research-methodology-mentality-of-national-cultures.html](http://www.analiculturolog.ru/archive/item/126-research-methodology-mentality-of-national-cultures.html) (дата обращения: 11.04. 2013).
6. Ильин И. Главные национальные проблемы. Tobolsk, 1972. 420 с.
7. Караева А.И. Очерки истории карачаевской литературы. М., 1966. 320 с.
8. Керимова Р.А. Индивидуальные особенности поэтического стиля К. Кулиева. Нальчик, 2016. 144 с.
9. Малкондуев Х.Х. Мифология балкарцев и карачаевцев // Фольклор народов Карачаево-Черкесии (жанр и образ): сб. науч. тр. / КЧНИИ. Черкесск, 1988. С. 24-40.
10. Табаксоев М. Боллукъ – таша... (Будущее – неизвестно...) // Табаксоев М. Чарх оюн (Игра с колесом): стихотворения и поэмы (на балк. яз.). Нальчик, 2003. С. 97.
11. Толгуров З.Х. Кайсын Кулиев. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010. С. 228-281.
12. Толгуров Т.З. Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик: Эльбрус, 1999. 50 с.
13. Тхагазитов Ю.М. Кабардинская литературная классика в социолитературном диалоге. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 98 с.
14. Узденова Ф.Т. Семиотический контекст и национальная идентичность: к методологии вопроса // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 294-300.

FACTORS OF ETHNIC SPECIFICS: MENTALITY AND SYSTEM OF REPRESENTATIONS

F.T. UZDENOVA

Institute of Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE “Federal scientific center
“Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin street
E-mail: kbigi@mail.ru

In article features of ethnically conditioned symbolization forms, determined by a link of "mentalities and the system of representations" are investigated. By means of the appeal to deep layers of ethnocultural consciousness and the analysis of cultural and valuable dominants of ethnoses, in particular, of Karachays and Balkars, the signs defining intrinsic specifics of mentality – stability and the invariance are revealed. The mentality is integrated into a complex of steady (archetypic) structures of consciousness, it can be designated as the psychological feature of thinking allowing to define national peculiarities of attitude of the people which find reflection in modern poetry.

Keywords: *ethnic specifics, mentality, folklore, an archetype, Karachay- Balkar poetry.*

Работа поступила 21.03.2018 г.